

ОБРАЗ ФИВАНЦЕВ В СОЧИНЕНИЯХ КСЕНОФОНТА

А. Ю. МОЖАЙСКИЙ

Московский педагогический государственный университет
a.mozhajsky@mail.ru

ANDREJ YU. MOZHAJSKY

Moscow State Pedagogical University

THE PORTRAYAL OF THE THEBANS IN THE WORKS OF XENOPHON

ABSTRACT. It is traditionally considered that Xenophon intentionally suppresses the image of the Theban commanders in his work *"Hellenika"*, where even Epaminondas – the winner of The Battle of Leuctra – is not mentioned by name. The suppression of the commanders is often explained by his disaffection towards the Thebans, because of his participance in The Battle of Coronea supporting Sparta against the Thebans. Furthermore, he lost his son Gryllus fighting the Thebans at Mantinea. At our point of view, this negative judgement of Xenophon's view on Thebes and the Thebans is explained first of all by Athens' traditional education, which created a negative literary tradition towards Thebes. The literary tradition was established long before Xenophon's existence and continued after him. The tradition was established as response to the border conflicts between the Thebans and the Athenians, that continued during archaic and classical periods of the history of Greece. The anti-Theban literary tradition is also supported by evidence of material culture, namely the border system of defense. Studying these materials, allows us to conclude that at the time of Xenophon, in the first half of the 4th cent. BC, at a time when their oppositions escalated against each other, the Athenians and the Thebans literally observed each other over the fortress walls. With regard to Xenophon, his hatred against the Thebans is mostly visible in his work *"Hellenika"*. The main argument that Xenophon uses is retelling of Pelopidas' speech that he gives at the court of the Persian king, where the first thing he mentions is the Thebans' pro-Persian attitude. Epaminondas is mentioned in the *"Hellenika"* only in episodes of his career as a commander where he cannot achieve his goals or develop past success.

KEYWORDS: Xenophon, Thebans, Boeotians, *Hellenika*, Plataea, Oropus.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10001).

Среди исследователей распространено мнение, что в IV в. до н.э. фиванцы были главными инициаторами всех антиспартанских коалиций, а Ксенофонт являлся автором, который связывал благополучие Эллады с благополучием «отчизны Агесилая» и, соответственно, все «фиванцы должны были ему казаться безумцами, разрушающими фундамент, столетия поддерживающий греческую автономию» (Светлов 2000, 24; ср. Бузескул 2005, 169–170). Это мнение возникло под влиянием стереотипа о том, что Ксенофонт сознательно замалчивает роль фиванских полководцев в своей «Греческой истории», где даже Эпаминонд – победитель битвы при Левкатрах, в связи с этим событием, – не назван по имени, в то время как соотечественники самого Ксенофонта, даже когда они сражаются против Спарты, описаны либо нейтрально, либо с симпатией (Светлов 2000, 23). Зачастую это объясняется личной неприязнью Ксенофонта к фиванцам, поскольку в битве при Коронее он выступал против них на стороне Спарты, а в битве с фиванцами при Мантинее потерял сына Грилла. Эмоциональная составляющая является объяснением пристрастности Ксенофонта к фиванцам не только в отечественной историографии, начиная с начала XX века, но и в современной западной историографии, где анти-фиванскую направленность *Hellenika (Греческой истории)* Ксенофонта также связывают с его про-спартанскими взглядами (Cawkwell 1979; Buckler 1980; Cartledge 1987; Dillery 1995, 196; Luce 1997, 72).

Однако, на наш взгляд, негативный образ фиванцев сформировался в аттической литературе задолго до Ксенофонта и продолжил существовать после него, что объясняется зафиксированными в литературной традиции пограничными конфликтами конца VI–IV вв. до н.э. Основой этих конфликтов между соседями являлись споры за Киферонский регион и Оропию. Что касается Киферонского региона, то наиболее заметен в источниках длительный конфликт за Платейскую область, сообщения о котором собраны и интерпретированы в научной литературе (Kirsten 1950, 2255–2332; Prandi 1988; Kopcsny, Aravantinos, Marchese 2013, 26–32). Кратко приведем основные события данного конфликта. После 550 г. до н.э., Фивы стали распространять свое влияние на плодородную землю Парасопии, что было частью создания Беотийского союза под главенством Фив. Это привело к противостоянию между Фивами и Платеями в 520/519 или 509/508, а может быть даже в 506/505 гг. до н.э.¹ Фиванские притязания заставили платейцев искать союза с афинянами, в результате чего Платеи отошли к Афинам и, вероятно, могли вместе с Гисиями и Эрифрами рассматриваться афинянами в качестве их

¹ Различные точки зрения на датировку этого события см. в работах: Amit 1973, 71–80; Badian 1989, 103; Kirsten 1950, 2284; Buck 1979, 112–114; Prandi 1988, 27–43; Можайский 2007, 55–56.

демов (Daly 2015, 38; Mozhaisky 2017, 40). Фиванцы атаковали Платеи, но были отбиты с помощью афинских сил. Коринфяне решали вопрос относительно Платей в качестве третейских судей и установили границу Платейской территории на каком-то расстоянии к югу от реки Асоп. Это было совершенно неприемлемо для фиванцев, которые перешли границу чтобы атаковать афинскую армию, но были отброшены, причем с весьма печальными для них последствиями. Афиняне воспользовались победой, отнесли границу между Платеями и Фивами к реке Асоп и, таким образом, расширили свою сферу влияния на беотийскую территорию. Платейцы сражались вместе с афинянами против персов в битве при Марафоне (Hdt. 6. 108; Iust. 2. 9, 9; Nep. *Miltiades* 5) и разделили вместе с афинянами славу победы (Paus. 1. 15, 3; Demosth. or. 59. 94; Hdt. 6. 11). Спустя несколько лет платейцы, в отличие от большинства беотийцев, которыми предводительствовали Фивы, отказались дать персидскому царю «землю и воду», когда тот отправил в Элладу своих послов с требованием подчинения (Thuc. 3. 64, 1). Соответственно, во время вторжения Ксеркса в Грецию Платеи были разорены летом 480 г. до н.э., жители были эвакуированы сначала в Афины, потом на Пелопоннес, а платейцы участвовали в морском сражении при Артемиссии (Hdt. 8. 1; 8. 44; 8. 50; Thuc. 3. 54, 4). Затем платейцы сражались вместе со своими афинскими союзниками в битве при Платеях в 479 г. до н.э. (Hdt. 8. 66; 9. 28). После того как Беотийский союз во главе с Фивами был упразднен, Платеи были отстроены и, очень вероятно, что уже с этого времени их окружали стены, включившие ок. 16–20 га территории города (Koncny, Aravantinos, Marchese 2013, 28). Вплоть до 447 г. до н.э. Платеи спокойно процветали, поскольку большая часть территории Беотии попала под контроль их покровителей афинян. Однако поражение афинян от беотийцев в битве при Коронее в 447 г. до н.э. изменило баланс сил в Беотии, поскольку Фивы вновь подняли голову и восстановили Беотийский союз, а также, вероятно, отобрали у платейцев и афинян Гисии и Эрифры (Thuc. 1. 113; Diod. 12. 6, 2).² После этого Платеи вновь стали экономически и стратегически желанным приобретением для фиванцев. В этих условиях Платеи вновь рассчитывали на поддержку Афин. Однако, помимо демократической конституции в Платеях была и олигархическая оппозиция, которая смотрела в сторону Фив. В 431 г. эти олигархи в обмен на вхождение Платей в Беотийский союз хотели с помощью фиванцев получить власть. В условленный час они открыли ворота передовому фиванскому отряду в чуть более, чем

² Конекни поддерживает эту дату (Koncny, Aravantinos, Marchese 2013, 29), однако Эмит и Брюс выступают за более позднюю дату, вплоть до 427 г. до н.э., в период Пелопоннесской войны (Amit 1973, 86–88; Bruce 1968).

триста человек под командованием двоих беотархов, чтобы они заняли ключевые позиции в городе. Позднее должна была прибыть остальная армия, однако из-за разлива реки Асоп она не успела вовремя подойти, а фиванцы, что были в городе, оказались перебиты или захвачены, а последние затем казнены. Учитывая начало большой войны (Пелопоннесской), афиняне решили приготовить Платеи к осаде, что и было сделано. Спустя два года после начала войны, в 429 г. до н.э., спартанский царь Архидам решил осадить Платеи. В 428/427 г. город сдался, а захваченные люди были казнены (200 платейцев и 25 афинян). В следующем году Платеи были разрушены. Те же платейцы, которые были в Афинах, получили гражданские права и, несмотря на поражение Афин в Пелопоннесской войне, мечтали об обретении своего города. Только после Царского мира 386 г. до н.э., который гарантировал автономию всем греческим городам, и прекращения существования Беотийского союза платейцы смогли снова занять и восстановить свой город (Paus. 9. 1, 4). В 375/374 г. до н.э. союз опять был восстановлен, а в 373 г. до н.э. фиванцы смогли захватить часть платейцев и выдвинули ультиматум оставшимся в городе покинуть его или погибнуть (Xen. *Hell.* 6. 3, 1; Paus. 9. 1, 4–8; Diod. 15. 46, 4). Платейцы снова нашли убежище в Афинах, а город опять был разрушен.

Та же ситуация постоянного пограничного конфликта наблюдалась в Оропии. Так, уже в конце VI в. до н.э., афиняне стали угрожать Танагрской области Беотии из Оропа (Можайский 2007, 57–59). Конфликт относительно этой территории продолжился и во время Пелопоннесской войны. В 426 г. до н.э. в Оропе высадился афинянин Никий, чтобы совершить рейд в район Танагры (Можайский 2007, 100–102). Причем из самих Афин должно было выйти многочисленное войско по условленному сигналу из Оропа от Никия. Этот момент весьма интересен поскольку является первой иллюстрацией в литературной традиции использования визуальной коммуникации между Беотией и Аттикой, на которую мы обратим внимание впоследствии.³

---

³ Никий передает сигнал в Афины о встрече под Танагрой. Нам представляется, что данный сигнал был дан огнем, поскольку он передавался ночью от Оропа. Мы предполагаем, что сигнал от Оропа был замечен из афинского укрепления Панакт, которое находится как раз на границе Аттики и Танагрской области. Возможно, у афинян была тогда сигнальная башня, стоящая ближе к Оропу, например, на месте башни Цукрати (Tsoukrati) первой половины IV в. до н.э., и сигнал в Панакт был передан через нее. По крайней мере, И. Обер (Ober 1985, 110, 148) констатирует наличие визуальной коммуникации между Оропом, башней Цукрати и Панактом. Далее из Панакта можно было за полчаса, преодолев около 4 км по горной дороге доставить весть в афинскую крепость Филу, далее уже существовала визуальная

Беотийцы смогли отбить у афинян Ороп лишь в 411 г. до н.э. В этом же году беотийцы захватили покинутую афинянами Эною – другое укрепление на границе Аттики и Беотии (Thuc. 8. 98). После поражения Афин в Пелопоннесской войне фиванцы требовали полного разрушения города. Правда, не они одни, их поддержали коринфяне и «многие другие эллины», которые ненавидели афинян (Xen. *Hell.* 2. 2, 19). Исократ в Платейской речи говорит о том, что фиванцы подали голос за то, чтобы все афиняне были обращены в рабство, а место, на котором стоит город, было превращено навеки в пастбище для скота (14. 31). О том же сообщает и Плутарх (*Lys.* 15). Однако далее, ситуация резко меняется. Фивы в своей политике, начиная с 404–403 гг. до н.э., принимают антиспартанскую позицию: помогают афинским изгнанникам, принимая их и снабжая оружием, вместе с Коринфом отказываются от участия в экспедиции Павсания против Афин. При этом, явно поддержав афинских демократов, фиванцы не упустили возможности выгодно для себя решить спор с афинянами о положении Оропа (Можайский 2007, 144–145). Так, захваченный фиванцами в 411 г. до н.э., Ороп, был, видимо, объявлен по заключению мира в 404 г. до н.э. независимым (*Lys.* 31. 9). Теперь же, в 402–401 г. до н.э., фиванцы, воспользовавшись гражданской войной оропцев, опять заняли Ороп по приглашению от одной из враждующих сторон, а затем предоставили его жителям фиванское гражданство и окончательно стали контролировать территорию Оропа (Diod. 14. 17, 1–3). Р. Бак считает, что отсутствие реакции афинян на аннексию фиванцами Оропа было ценой за фиванскую поддержку афинским демократам в 404/3 г. до н.э. (Buck 1994, 28). После заключения Анталкидова мира в 387 г. до н.э. Ороп снова стал независимым, а затем примкнул к Афинам (Isokrates 14. 20).

Даже беглого взгляда на вышеприведенные пограничные противоречия достаточно, чтобы объяснить общее афинское отношение к фиванцам. Это должно было отразиться в аттической литературе, на что и обратил внимание еще Рис Робертс в исследовании, которое вышло в 1895 году (Roberts 1895, 1–14). Автор пришел к выводу, что в основном через афинское влияние на литературу к фиванцам и беотийцам в целом прикрепилась негативная

коммуникация до Афин. Кроме того, И. Обер сообщает, что Панакт был в визуальной коммуникации с башней Мази (вторая четверть IV в. до н.э.), а та, в свою очередь, была в визуальной коммуникации с афинской крепостью Эноя (Ober 1987, 591). Вполне вероятно, что на месте башни Мази стояла более ранняя башня времен Пелопоннесской войны. Также, возможно, что огонь из Панакта был виден в Эное напрямую, соответственно, далее была опять визуальная коммуникация до Афин. В любом случае, сигнал мог быть получен в Афинах спустя короткое время после того, как он был дан.

штампы. Причем их осознавали и сами древние. Так, Плутарх в своем трактате «О мясоедении», подчеркивает, что это жители Аттики называют беотийцев различными нехорошими эпитетами, включая такие как «бесчувственные» (ἀναίσθητους) и «глупые» (ἡλίθιους), обзывают беотийцев «свиньями» (οὗτοι δ' αὖ σὺ ...) (*De esu carniū* 1, 995e). В этом контексте Плутарх упоминает и Менандра. Рис Робертс добавляет к этому, что задолго до Менандра, уже Кратин – основатель старшей комедии – употребляет по отношению к беотийцам Συβοιωτοί, что мы можем перевести как «свинобеотийцы» или даже «свинобычьи» (Roberts 1895, 4).⁴ Подобные замечания относительно соседей выглядят вполне обыденно, особенно в таком жанре, как комедия. Другое дело – исторические произведения, где негативное отношение к представителям соседнего сообщества может повлечь за собой умолчания или даже фальсификацию.

В этом отношении показателен рассказ «отца истории» Геродота об участии фиванского контингента в битве при Фермопилах (Hdt. 7. 202; 205; 222; 233), подробный разбор которого мы провели в нашем диссертационном исследовании (Можайский 2007, 64–66). Геродот указывает, что Леонид присоединил к своему войску четыреста фиванцев, поскольку их подозревали в приверженности к персам, и удерживал их как заложников. Когда Леонид осознал, что ситуация безнадежна, он отпустил армию, оставив триста спартанцев, семьсот феспийцев (которые остались добровольно) и четыреста фиванцев в качестве заложников. Фиванцы сначала сражались, но потом с «распростёртыми руками» бросились к персам, которые заклеямили их рабским клеймом. Однако, оставить у себя четыреста вооруженных гоплитов, которых подозревали в измене, было бы очень опасно для Леонида. Данные сообщения Геродота подверг сомнению еще Плутарх (*De malign. Her.* 3; *Mor.* 865). Сопоставив данные Плутарха с сообщениями Диодора (Diod. 11. 4, 7) мы приходим к альтернативной версии. Эти четыреста фиванцев были противниками персофильской партии в Фивах и остались в последнем бою с Леонидом добровольно.⁵ Что касается Геродота, то он мог быть введен в заблуждение слухами, которые передавали ему антифивански настроенные афиняне. Заметим относительно данного вопроса и то, что по Геродоту командующий фиванцами под Фермопилами Леонтиад остался жив и также был заклеимен (Hdt. 7. 233). Однако, когда после победы при Платеях союзники требовали выдать фиванцев главных приверженцев персов, выдали Агтагина и Тимегенида (Hdt. 9. 86). Про Леонтиада не было ска-

⁴ Фрагмент 77 в. Loeb classical library, 513. Vol.1., 310.

⁵ Н. Димэнд частично разделяет версию о том, что 400 фиванцев были из антиперсидской партии (Demand 1982, 20–22).

зано ни слова. Неужели эллины не потребовали бы выдать им изменника, который предал героя Леонида под Фермопилами?

Таким образом, мы видим, что негативное отношение к фиванцам в литературе сложилось задолго до Ксенофонта, причем не только в комедийном жанре, но и в историческом, что было предопределено пограничными столкновениями и крупными военными конфликтами конца VI–V вв. до н.э. Более того, этой же традиции придерживается Исократ. К примеру, он не называет Эпаминонда по имени. Следует отметить, что Исократ, начавший писать еще до того, как Эпаминонд стал известным, в работах, созданных после битвы при Левктрах, много раз упоминает события, в которых Эпаминонд играл ведущую роль (5. 44, 47–48, 53; 6. 27–28, 47). Как и Ксенофонт, Исократ негативно относился к Фивам и, на наш взгляд, поэтому замалчивает фигуру Эпаминонда, которого, как считает Вестлэйк, если бы обстоятельства сложились иначе, Исократ мог бы рассматривать как подходящего лидера «крестового похода» против персов (Westlake 1975, 23). Даже Демосфен не упоминает Эпаминонда, но говорит о периоде фиванской гегемонии (18). Здесь же он упоминает, что в отношении фиванцев, какое бы несчастье не постигло их, афиняне «готовы были порадоваться этому, так как не без основания и по справедливости были сердиты на них ввиду того, что успехом, который им достался при Левктрах, они не сумели воспользоваться с умеренностью» (18. 18; перевод С.И. Радцига).

Такая литературная традиция явилась отражением педагогической традиции, в рамках которой, вне всякого сомнения, фиванцы рассматривались как враги афинского полиса. В своей статье, посвященной образованию в сочинениях Ксенофонта, В. Пичугина и В. Безрогов отмечают, что греческое образование того времени предполагало, что будущий гражданин не мог получать образование только для себя, он также принадлежал конкретному полису и таким образом индивидуальная образовательная стратегия шла рука об руку с полисной образовательной стратегией (Pichugina, Bezrogov 2016, 517–518).

Ко времени возвышения Фив политическая ситуация между Афинами и Фивами обострилась, свидетельством чему являются не только сообщения античных авторов (и в первую очередь Ксенофонта), но и свидетельства материальной культуры на границе Аттики и Беотии, а именно фортификационные сооружения. Так, ряд исследователей датируют постройку крепости Элевтеры (Гиптокастро) 70-ми годами IV в. до н.э. (Ober 1985, 162). Ober считает ее афинской. На наш взгляд, не исключено, что существовала более ранняя фаза укреплений. По крайней мере, те остатки, что можно обозреть сейчас, могут быть датированы этим временем. В четырех километрах

к северу от Гиптокастро на беотийской стороне Киферона (на высоте 865 м.) находятся две башни, которые имеют визуальную коммуникацию с Гиптокастро и большей части южной беотийской равниной, а по стилю кладки являются современными этой крепости (Ober 1985, 163–164). Кэмп считает, что эта крепость ок. 371 г. до н.э. была в руках фиванцев (Camp 1991), против чего возражает Обер (Ober 1987, 602–603). Если Элевтеры были фиванскими, то граница в это время проходила между Элевтерами и Эной (определенно афинской крепостью). Визуальная связь между этими двумя крепостями могла осуществляться с помощью башни в Мази, которая была афинской. Если Элевтеры в это время были афинскими, то остается вероятность, что башни на беотийской стороне Киферона фиванские и построены с целью наблюдения за афинянами.

Таким образом, мы видим, что афиняне и фиванцы времен Ксенофонта ежедневно смотрели друг на друга через «зубцы» крепостных стен, ожидая, возможного нападения той или другой стороны. Показав единство афинской литературной традиции в отношении фиванцев, обратимся собственно к сочинениям Ксенофонта. Уже во второй книге *Hellenika* фиванцы выглядят как заклятые и самые главные враги афинян, поскольку фиванцы требовали полного разрушения Афин, а так ценимые Ксенофонтом лакедемоняне категорически отказались стать виновниками порабощения жителей греческого города, который много сделал для эллинов в период тяжелой опасности для Греции (Xen. *Hell.* 2. 2, 19–20).

Слова «μέγα ἀγαθὸν εἰργασμένην ἐν τοῖς μεγίστοις κινδύνοις γενομένοις τῇ Ἑλλάδι» направлены именно против фиванцев, поскольку тяжелая опасность на которую указывает Ксенофонт, это персидская угроза, и проперсидски настроенные тогда фиванцы были противопоставлены борцам с персами – афинянам.

В шестой книге, описывая ситуацию после битвы при Левктрах 371 г. до н.э., где фиванцы разгромили спартанцев, Ксенофонт сознательно обращает внимание на тот факт, что, когда фиванцы отправили в Афины вестника с сообщением о победе и просьбой объединиться против лакедемонян, члены афинского совета были очень огорчены и не пригласили вестника даже на казенный обед в пританею и оставили без ответа фиванскую просьбу о помощи (Xen. *Hell.* 6. 4, 19–20.). Вероятно, целью Ксенофонта было показать солидарность афинян с лакедемонянами в противовес фиванцам, ведь, по его логике, единое героическое антиперсидское прошлое важнее, чем распри в Пелопоннесских войнах, в то время, как фиванцы являются теперь главной опасностью для всех. В *Hellenika* для Ксенофонта, вообще, характерно сглаживать бывшие противоречия между Афинами и Спартой и, даже когда два афинских стратега в 378 г. до н.э. помогли фиванцам в государ-

ственном перевороте, Ксенофонт, как нам кажется, намеренно подчеркивает, что впоследствии афиняне осудили этих двух стратегов на смерть (*Xen. Hell.* 5. 4, 19).

Всю свою ненависть к фиванцам Ксенофонт показывает, введя в повествование в связи с событиями 367 г. до н.э. пересказ аргументов речи Пелопида в Сузах (*Xen. Hell.* 7. 1, 34–35). Здесь Ксенофонт приводит список фиванских деяний, начиная с фиванской поддержки персов при Платеях в 479 г. до н.э. Затем продолжает, говоря о фиванской оппозиции спартанской политике после Пелопоннесской войны и заканчивает фиванскими победами над спартанцами. Надо сказать, что все перечисленное Ксенофонтом может быть проверено по другим источникам,⁶ но в глазах греков только персифильство могло быть действительно бесчестьем для фиванцев, и это Ксенофонт выставляет на первый план. Джон Баклер и Ганс Бек отмечают, что пересказ этой речи не похож на вольное составление, не имеющее связи с тем, что Пелопид говорил в Сузах. Ксенофонт определенно воспроизводит или то, что Пелопид действительно говорил, или то, что требовала сказать сама ситуация. Вышеприведенные исследователи отмечают, что в этом смысле речь Пелопида у Ксенофонта находится в русле речей Фукидида (Buckler, Beck 2008, 150–161).

Особняком в *Hellenika* стоит фигура Эпаминонда. С одной стороны, Эпаминонд не упоминается Ксенофонтом вплоть до описания событий 366 г. до н.э., и такое умолчание, как мы уже показали, весьма в духе афинской литературной традиции, но далее Эпаминонд появляется и в ряде случаев его действия подвергаются скрупулезному анализу. Отметим, что к 366 г. до н.э. Эпаминонд уже одержал победу в битве при Левктрах и совершил первые несколько вторжений на Пелопоннес, что выразилось в разорении Лаконии, освобождении Мессении, а также основании Мессены и Мегалополя. Может показаться, что Ксенофонт, вдруг, поменял свое отношение к Эпаминонду с

---

⁶ В соответствии с Ксенофонтом, Пелопид заявляет, что фиванцы сражались на стороне персов в битве при Платеях, что находит подтверждение у Геродота (*Hdt.* 9. 31; 9. 40; 9. 49). То, что фиванцы отказались присоединиться к вторжению Агесилая в персидские владения (см. *Xen. Hell.* 3.5,5) находит некоторую поддержку у Юстина (*Just.* 6. 4, 3–12). То, что фиванцы не позволили Агесилаю принести жертвы в Авлиде (см. *Xen. Hell.* 3. 4, 3–4) подтверждает Диодор (*Diod.* 14. 79, 1), а также Плутарх (*Plut. Ages.* 6). О том, что фиванцы одержали победу при Левктрах и после этого разоряли Лаконию (см. *Xen. Hell.* 6. 4, 4–15; 6. 5, 22–32) говорит Диодор (*Diod.* 15. 55–56; 15. 63–67, 1) и Плутарх (*Plut. Pel.* 22–25). То, что аргосцы и аркадцы были побеждены в битве, когда фиванцев не было на поле боя (см. *Xen. Hell.* 7. 1, 28–32) подтверждается сообщением Диодора (*Diod.* 15. 72, 3).

момента описания событий 366 г. до н.э. На наш взгляд, логичное объяснение этому дал исследователь Вестлэйк в своей статье “Xenophon and Epaminondas” еще в 1975 г. (Westlake 1975, 23–40). Автор проследил, что у Ксенофонта там, где Эпаминонд несомненно добивался успеха, происходит умолчание роли этой личности, но там, где Эпаминонд мог быть представлен не достигшим своих целей по причине каких-либо обстоятельств, там его фигура появляется и даже доминирует в повествовании. Отмечается, с приведением источников и библиографии, что для Ксенофонта был весьма важен религиозный аспект и *Hellenika* содержит значительное количество пассажей, где он явно или косвенно показывает, что ход событий являлся результатом божественного вмешательства.

Действительно, в эту концепцию укладывается далеко не самый значимый эпизод в *Hellenika* о фианской экспедиции в Ахайю 366 г. до н.э., где появляется фигура Эпаминонда (Xen. *Hell.* 7. 1, 41–43). Ксенофонт называет следующую цель Эпаминонда: желая (βουληθεῖς) подчинить себе ахейцев «для того чтобы более привлечь к себе аркадцев и других союзников».⁷ Таким образом, как мы видим, в передаче Ксенофонта Эпаминонд преследовал двойную цель: подчинить ахейцев и, таким образом, еще более притянуть к себе аркадцев и других союзников. Эпаминонд смог преодолеть Истм, где проходы охранялись неприятелем, поскольку уговорил аргосского стратега предварительно завладеть Онеем, который слабо охранялся. Это удалось сделать, и фиванцы смогли пройти на Пелопоннес. Тогда ахейские аристократы обратились к Эпаминонду с просьбой о снисхождении. Эпаминонд вынул им и добился благодаря своему влиянию (ἐνδυναστεύει), чтобы знать не изгнали, и государственный строй не был подвергнут изменению. Важный момент заключается в том, что слово ἐνδυναστεύει, которое использует Ксенофонт, имеет оттенок достижения чего-либо путем личного влияния или авторитета.⁸ Таким образом, Ксенофонт признает за Эпаминондом возможность влиять на фиванцев и союзников. Соответственно, признается лидерство Эпаминонда. Но далее, несмотря на то, что фиванцы ушли, удовлетворившись клятвенным заверениям ахейцев в том, что они союзники и пойдут за фиванцами против кого бы те не шли, Эпаминонд не достиг своей цели. Дело в том, что противные решению Эпаминонда (в поддержке аристократов) группы со стороны аркадцев и противники в самой Ахайе обвинили Эпаминонда в том, что он подготовил в Ахайе благоприятную почву для лакедемонян. Тогда фиванцы послали в ахейские города гармостов, которые

⁷ В оригинале: «ὅπως μᾶλλον σφίσι καὶ οἱ Ἀρκάδες καὶ οἱ ἄλλοι σύμμαχοι προσέχοιεν τὸν νοῦν» (Xen. *Hell.* 7. 1. 41).

⁸ Ср. ἐνδυναστεύω в словаре Лиддела и Скотта (Liddel, Scott 1996, 562).

«вместе с массой людей изгнали» (σὺν τῷ πλῆθει ἐξέβαλον)⁹ аристократов и установили в городах Ахайи демократию. Однако изгнанники объединились и овладели поочередно всеми своими городами, после чего, оказавшись у власти, уже не были нейтральными, а стали союзниками лакедемонян. Быть может, для Ксенофонта теперь боги отвернулись от Эпаминонда. Таким образом, Ксенофонт при характеристике Эпаминонда, вероятно, решил вывести его в этом неудачном для фиванцев эпизоде, но как-бы проговорился, быть может сам того не желая, признав его личный авторитет, а значит и заслуги.

С подобных позиций можно рассмотреть и другие упоминания об Эпаминонде в тексте Ксенофонта. Особенно показателен рассказ о финальном походе фиванцев на Пелопоннес и битве при Мантинее. Заслуживает внимание то, как подробно Ксенофонт описывает планы Эпаминонда и отмечает его умения как стратега (Хен. *Hell.* 7. 5, 4–8). Далее Эпаминонд узнал, что спартанское войско Агесилая стоит лагерем близ Мантиinei, и решил захватить саму Спарту (Хен. *Hell.* 7. 5, 9). Ксенофонт нарочито показывает, как у Эпаминонда все было блестяще рассчитано, но, вдруг, происходит, как называет это Ксенофонт, божественное вмешательство и какой-то критянин по «божественному внушению» (θεία τινὶ μοίρᾳ) прибыл к Агесилаю. Он сообщил о приближении Эпаминонда к Спарте, и только это спасло ее от взятия Эпаминондом (Хен. *Hell.* 7. 5, 10). По ходу повествования, Ксенофонт обращается к божественному вмешательству еще три раза (Хен. *Hell.* 7. 5, 12, 13, 26). Как известно, последующие события привели к битве при Мантинее, где Эпаминонд одержал победу, но сам пал в бою. Ксенофонт также подчеркивает, что оставшиеся в живых фиванцы не сумели воспользоваться его победой (Хен. *Hell.* 7. 5, 25).

Таким образом, появление Эпаминонда в тексте Ксенофонта не является изменением отношения автора к этой фигуре или фиванцам в целом, но, скорее, представляет собой сознательное желание показать бессилие этого выдающегося человека перед божественной волей, судьбой, что не дала подчинить Спарту. Однако, Ксенофонт далек от ликования и отмечает, что это сражение (битва при Мантинеее 362 г. до н.э.) привело Грецию в еще

---

⁹ σὺν τῷ πλῆθει ἐξέβαλον на наш взгляд следует понимать, как действия гармостов совместно с большим количеством людей (может быть ближе всего по значению «совместно с толпой») или с помощью большого количества людей (местных ахейцев). Примечательно, что, видимо, у Ксенофонта нет в данном случае противопоставление демоса аристократии. Из контекста далее понятно, что многие в Ахайе поддерживали и аристократов, иначе бы те не смогли затем снова оказаться в большом количестве и опять захватить власть.

большее замешательство, чем было ранее (Xen. *Hell.* 7. 5, 27). Соответственно, учитывая назидательную функцию фигуры Эпаминонда, мы можем отметить педагогическую составляющую в «Греческой истории» Ксенофонта, который, в данном случае, мыслит в рамках полисной стратегии образовательного пространства античного города, наряду с концептом заботы о себе, выделенным в других произведениях автора исследователями Пичугиной и Безроговым (Pichugina, Bezrogov 2017).

Выяснив отношение Ксенофонта к фиванцам и показав, что оно находилось в русле афинской литературной традиции и образовательного пространства Афин, а также соответствует отражению этих традиций в материальной культуре, обратимся к вопросу о том такое же ли отношение выказывал Ксенофонт к другим беотийцам, не фиванцам?

В первую очередь следует сказать, что у Ксенофонта, несмотря на всю его неприязнь к фиванцам, был близкий друг Проксен – фиванец (Πρόξενος δὲ ὁ Θηβαῖος; Xen. *Anab.* 2. 1, 10), который позвал его в поход с Киrom против Артаксеркса, что Ксенофонт описал в Анабасисе. Это довольно примечательное противоречие, определенный парадокс: ненависть к фиванцам, но дружба с одним из них. Причем дружба очень сильная, до такой степени, что спустя годы после похода десяти тысяч Ксенофонт делает приношение в сокровищницу афинян в Дельфы, записывая свое имя и имя Проксена (Xen. *Anab.* 5. 3, 5). Ксенофонт отмечает, что сделал он это потому, что Проксен был его другом (ξένος γὰρ ἦν αὐτοῦ). Как такое могло произойти? Быть может, ответ на этот вопрос содержится в труде афинского автора начала III в. н.э. Филострата, который говорит, что Ксенофонт провел некоторое время в Беотии как заключенный и в это время слышал философа Продика с острова Кеос (Philostr. *VS.* 1. 12).¹⁰ Работы Ксенофонта говорят о том, что Продик был ему известен, но это не подтверждает историю Филострата, поскольку и в Афинах знали Продика (Xen. *Mem.* 2. 1, 21; Xen. *Smp.* 1. 5; 4. 62). Тем не менее, временное пребывание Ксенофонта в Фивах могло бы объяснить, как Ксенофонт встретил фиванца Проксена, который мог оказать Ксенофонту помощь и стать его другом. Филострат представляет себя как аккуратного исследователя, но он писал в эпоху, когда уже циркулировала легендарная история о таких фигурах как Ксенофонт (Häggl 2012, 322–324). Сказать достоверно верны ли сведения Филострата сейчас, на наш взгляд, не представляется возможным, но существует два варианта: Филострат прав или уже во время Филострата парадокс ненависти к фиванцам у Ксенофонта и одновременно его дружба с фиванцем Проксеном был замечен и, чтобы объяснить его, было придумано пребывание Ксенофонта в Фивах.

¹⁰ Джон Ли считает, что если этот рассказ может быть правдой, то пребывание Ксенофонта в Фивах может относиться ко времени ок. 407 г. до н.э. (Lee 2017, 22).

Интересные данные могут быть получены, если мы проанализируем сколько раз имя Проксен упоминается в Анабасисе и сколько из них Проксен назван беотийцем, а сколько – фиванцем. Итак, всего имя Проксен упоминается в Анабасисе двадцать четыре раза. Из них: Проксен-беотиец (Πρόξενος Βοιωτίας) – три раза (Хеп. *Anab.* 1. 1, 11; 2. 5, 31; 2. 6, 16), а Проксен-фиванец (Πρόξεμος δὲ ὁ Θηβαίος) – один раз (Хеп. *Anab.* 2. 1, 10). Таким образом, мы видим, что по ходу повествования Ксенофонт предпочитает называть Проксена беотийцем, нежели фиванцем, или совсем не передает его этническую или государственную принадлежность. Можно высказать предположение, что Ксенофонт сознательно так поступил, поскольку на фоне общей нелюбви к фиванцам, был дружен с одним из них. Это предположение можно было бы подтвердить, если бы у Ксенофонта существовал текст, который показал бы, что его отношение к остальным беотийцам много лучше, нежели к фиванцам. По нашему мнению, такой текст существует. Это фрагмент из «Воспоминаний о Сократе» (Хеп. *Мет.* 3. 5, 2). Приведем текст в переводе С.И. Соболевского:

- Ты знаешь, конечно, что по количеству населения афинян несколько не меньше, чем беотийцев? – сказал Сократ.
- Да, знаю, - отвечал Перикл.
- А как ты думаешь, где можно больше набрать доблестных и совершенных людей – в Беотии или в Афинах?
- Думаю, и в этом Афины не отстанут.
- А где, по-твоему, больше взаимной благожелательности?
- В Афинах, я уверен: в Беотии многие, обманутые фиванцами, относятся к ним враждебно; в Афинах я ничего подобного не вижу.

Из данного отрывка понятно, что Ксенофонт не ровняет всех беотийцев с фиванцами, поскольку многие беотийцы относятся к фиванцам враждебно вследствие обмана со стороны фиванцев (Βοιωτῶν μὲν γὰρ πολλοὶ πλεονεχτοῦμενοι ὑπὸ Θηβαίων δυσμενῶς αὐτοῖς ἔχουσιν).

Перейдем к выводам. Негативное отношение Ксенофонта к Фивам и фиванцам объясняется, в первую очередь, традиционным образовательным пространством Афин, которое культивировало негативную литературную традицию, в рамках которой работал и Ксенофонт. Эта литературная традиция была создана задолго до Ксенофонта и продолжилась после него. Она была создана как ответ на пограничные конфликты между Фивами и Афинами, что продолжались в течении архаического и классического периодов истории Греции. Более всего эти пограничные конфликты могут быть проиллюстрированы противостоянием за Платейскую и Оропскую области. Подтверждают традиционную антифиванскую литературную традицию

также и данные материальной культуры, а именно пограничные укрепления, изучение которых позволяет сделать вывод о том, что во времена Ксенофонта, в первой половине IV в. до н.э. в периоды обострения противостояния, афиняне и фиванцы, в прямом смысле слова, наблюдали друг друга из-за крепостных стен, поскольку между остатками укреплений (башен и крепостей) на границе Аттики и Беотии прослежена визуальная коммуникация. Что касается произведений Ксенофонта, то более всего его ненависть к фиванцам показана в *Hellenika*, где фиванцы изображены, в основном, заклятыми врагами афинян. Даже в тех случаях, когда афиняне действовали заодно с фиванцами, Ксенофонт пытается показать, что его сограждане впоследствии отказывались от этих действий или раскаивались в них (как в случае со стратегами, поддержавшими антиспартанское восстание в Фивах). Главным приемом, который использует Ксенофонт чтобы негативно показать читателям фиванцев, является введение в текст пересказа речи Пелопида при дворе персидского царя, где на первое место явлено персофильство фиванцев, противопоставленное яркой славе афинян и спартанцев в борьбе против персов. Замалчивание роли Эпаминонда в греческой истории этого времени и резкое появление этой фигуры в связи с событиями 366 г. до н.э. и далее, особенно при описании событий 362 г. до н.э. связано, вероятно, с желанием Ксенофонта показать, что даже выдающийся (хоть и не признанный Ксенофонтом) полководец не может противиться божественному провидению, ведь дело его не является правым. Там, где изображен Эпаминонд, последний, по мнению Ксенофонта, не смог добиться поставленной цели или не смог развить былой успех. Создав «такого» Эпаминонда и показав фиванцев с негативной стороны Ксенофонт, на наш взгляд, продолжает образовательную традицию афинян, где фиванцы, хоть и соседи, но враждебные афинским идеалам демократии и борьбы с персидской угрозой. Они противопоставлены афинянам. В рамках существовавшей педагогической традиции, фиванцы опасны и на их фоне лучше видна идентичность самих афинян. Тем не менее, в случае с Ксенофонтом видно противоречие, поскольку один фиванец – Проксен – был близким другом Ксенофонта, настолько близким, что Ксенофонт начертил его имя на приношении в Сокровищницу афинян в Дельфы. Это противоречие может быть снято, если мы поверим переданной Филостратом традиции, о том, что Ксенофонт был некоторое время пленником в Фивах. Если же Филострат передает лишь легендарную традицию, то очевидно, что уже сами древние авторы видели противоречие в обычном отношении Ксенофонта к фиванцам и исключении, сделанном по отношению к Проксену. В «Анабасисе» Ксенофонт, по нашему мнению, старается называть Проксена «беотийцем»,

нежели «фиванцем» (три случая против одного), поскольку сам автор осознавал это свое исключение. Кроме того, называть друга «беотийцем» было бы куда более привлекательно в глазах других афинян (да и спартанцев), ведь сам Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» говорит, что многие беотийцы враждебно относятся к фиванцам.

Кроме того, система соседских взаимоотношений сама по себе предполагает некую двойственность. К примеру, по окончании длительного конфликта (Пелопоннесской войны 431–404 г. до н.э.), фиванцы хотели стереть Афины с лица земли (Хеп. *Hell.* 2. 2, 19). При этом, спустя совсем немного времени именно фиванцы приютили и вооружили афинских изгнанников и, таким образом, способствовали свержению тирании «тридцати» в Афинах (Хеп. *Hell.* 2. 4, 1; Diod. 14. 6, 3; Plut. *Lys.* 27). И наоборот, когда спартанцы захватили Кадмею, то афиняне приняли фиванских беглецов (Хеп. *Hell.* 5. 2, 31–32). Однако, немного позднее, когда фиванцы во главе с Эпаминондом разгромили лакедемонян в битве при Левктрах, афиняне были очень огорчены полученным известием (Хеп. *Hell.* 6. 4, 20). Складывается впечатление, что это типично соседские взаимоотношения, когда сильный сосед раздражает и угрожает, но если он слабее и угрожает общая опасность, то надо помочь такому соседу. Высказывая подобную трактовку, мы, конечно, всякий раз, должны учитывать конкретную политическую ситуацию, которая в целом способствовала негативному взгляду афинян на фиванцев.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бузескул, В.П. (2005) *Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в.* Санкт-Петербург.
- Можайский, А.Ю. (2007) *Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период: дисс.,... канд. ист. наук.* Москва.
- Светлов, Р.В. (2000) «О Ксенофонтe и его «Греческой истории»», Ксенофонт. *Греческая история.* Пер. с древнегреч. и комм. С.Я. Лурье. Санкт-Петербург, 7–25.
- Amit, M. (1973) *Great and Small Poleis. A Study in the Relations between the Great Powers and the Small Cities in Ancient Greece, Latomus* 134. Brüssel.
- Badian, E. (1989) "Plataea between Athens and Sparta. In Search of Lost History", H. Beister, J. Buckler, eds. *Boiotika. Vorträge vom 5. internationalen Boiotien Kolloquium, München* 13.–17. Juni 1986. München, 95–111.
- Bruce, I.A.F. (1968) "Plataea and the 5th-century Boeotian Confederacy," *Phoenix* 22, 190–199.
- Buck, R.J. (1979) *A History of Boeotia.* Edmonton.
- Buck R.J. (1994) *Boiotia and the Boiotian League, 432-371 B.C.* Edmonton.
- Buckler, J. (1980) *The Theban Hegemony: 371-362 B.C.* Cambridge.
- Buckler, J., Beck, H. (2008) *Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century B.C.* Cambridge.

- Camp, J.M. (1991) "Notes on the Towers and Borders of Classical Boiotia," *AJA* 95, 193–202.
- Cartledge, P. (1987) *Agesilaus and the Crisis of Sparta*. London.
- Cawkwell, G. (1979) Introduction and notes in R. Warner (tr.), *Xenophon: A History of My Times*. Harmondsworth.
- Daly K.F. (2015) "On when and where to find Athenian forts," K.F. Daly, L.A. Riccardi, eds. *Cities called Athens: Studies Honouring John McK. Camp II*. Lanham, 23–60.
- Dillery, J. (1995) *Xenophon and the History of his Times*. London and New York.
- Demand, N.H. (1982) *Thebes in the Fifth Century*. London.
- Hägg, T. (2012) *The Art of Biography in Antiquity*. Cambridge.
- Kirsten, E. (1950) "Plataiai," *RE* XX, 2255–2332.
- Konecny, A., Aravantinos, V., Marchese, R. (2013) *Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis = Österreichische Archäologisches Institut Sonderschriften Band 48*. Vienna.
- Lee, J.W.I. (2017) "Xenophon and his Times", M. A. Flower, ed. *The Cambridge Companion to Xenophon*. Cambridge, 15–36.
- Liddel, H.G., Scott, R. (1996) *A Greek-English Lexicon*. 9th ed. New York / Oxford.
- Luce, T.J. (1997) *The Greek Historians*. London / New York.
- Mozhaysky, A. (2017) "Reconsidering the movement of Pausanias' army before the Battle of Plataiai in 479 B.C." *Revue internationale d'Histoire Militaire Ancienne* 5, 33–50.
- Ober, J. (1985) *Fortress Attica*. Leiden.
- Ober, J. (1987) "Early artillery towers: Messenia, Boiotia, Attica, Megarid," *American Journal of Archaeology* 91, 569–604.
- Pichugina, V., Bezrogov, V. (2016) "The Xenophon's pedagogy of the care of the self," *History of education & children's literature* 9, 517–524.
- Pichugina, V., Bezrogov, V. (2017) "Fathers and sons' in Xenophon's teaching of the man caring for himself," *History of education* 46, 275–289.
- Prandi, L. (1988) *Platea: momenti e problemi della storia di una polis*. Padua.
- Roberts, W. (1895) *The Ancient Boeotians: their character and culture and their reputation*. Cambridge.
- Storey, I.C., trans. (2011) *Fragments of Old Comedy, Volume I: Alcaeus to Diocles*. Loeb classical library, 513. Cambridge, MA.
- Westlake, H.D. (1975) "Xenophon and Epaminondas", *GRBS* 16, 23–40.
- Russian language sources transliterated:
- Buzeskul, V.P. (2005) *Vvedenie v istoriyu Grecii. Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoj istorii v XIX i v nachale XX v.* St Petersburg.
- Mozhayskij, A.YU. (2007) *Vneshnepoliticheskij kurs Fivanskogo polisa v klassicheskij period: diss.,... kand. ist. nauk*. Moscow.
- Svetlov, R.V. (2000) «O Ksenofonte i ego "Grecheskoj istorii"», *Ksenofont. Grecheskaya istoriya*. Per. s drevnegrech. i komment. S.YA. Lur'e. St Petersburg, 7–25.